

НАД РАСТАЯВШИМ ЛЬДОМ

Стихи

Содержание

«Чудодействовать – это непросто...»	6
«Услышана твоя молитва, Русь...»	6
«Нет писем сегодня...»	6
«А жаль, что все не вечное...»	7
Прощание с советским паспортом	8
«То давнее забылось лето...»	9
На двухсотлетие А. С. Пушкина	10
«А на земле январь...»	10
«Не первый раз...»	11
«Куда ни бросишь взгляд...»	12
«Они уезжали молча...»	13
Эспланада (красивейшая улица в Хельсинки с памятниками поэтам)	14
«Встречай меня в лесу случайном...»	15
«Сушина, словно дирижер...»	16
В деревне	16
Песенка	17
«Сбереги мне озеро до тепла...»	18
«Эти зимние сказки...»	18
«Написать бы письмо с тоски...»	19
Маме	20
«Где ты бродишь, маленькая крошка?»	21
«Я буду Вам верна...»	21
«Не бойся моего тепла...»	22
«Мы были вместе несколько минут...»	22
На Пушкинской улице	23
«Когда я прохожу мимо твоего дома...»	23
Рябиновое пророчество	24
Памяти Пааво	24

«Ты у меня первый...»	25
«Скорее спать, чтоб окунуться в бред...»	25
На отъезд	26
«В сверканье листьев непрерывном...»	27
«Мне непонятен Ваш постыдный ход...»	27
«Любимый мой...»	28
«Нам ехать вместе...»	28
«На лестничной площадке...»	29
Освобождение	30
«Мы знали...»	30
«Я – та, кого оставят партизаны...»	31
«Да, мы останемся друзьями...»	31
ИЗ СБОРНИКА «БЕЛЫЕ ПТИЦЫ» (1986)	32
«Осталась во мне эта воля...»	32
Осень	33
«У земли моей нет краю...»	34
Купавна	35
На Севере	36
Холмогорская ярмарка	36
«Мне в слове <i>Север</i> ...»	38
«Открой глаза...»	38
Белые птицы	39
«Рисунок северного камня...»	40
«Мой старый кот...»	40
«Не та палитра...»	41
«Мы бежим по высоким лугам...»	41
«Листвой шумели тополя...»	42
«Грустно, любимый...»	42
«Пошел – (его так долго ждали)...»	43
В музее	44
В гостях	45
Художнику	45
«Не слово было первым...»	46
«Не разобравшись в собственном призванье...»	46

«Боль за болью чередой отзывается...»	47
«Преображаясь каждое мгновение...»	47
«За гладкой речью...»	48
Зима	49
«Я счастлива от этой красоты...»	49
«Будто бы все по-прежнему...»	50
«Что тебе, милый, мои переулки?»	50
«Это все-таки нелепо...»	51
«Между Москвою и Петрозаводском...»	51
«Когда ко мне как свет звезды далекой...»	52
«А я все в кого-то влюблена...»	53
«Утварь домашняя, крынки, корытца...»	53
Просто озеро	54
Предвестник	55
Весна	56
Валаам	56
«Как назло – ни плаща, ни зонта...»	57
«Есть в мире осеннем...»	57
ИЗ СБОРНИКА «НЕ ЗАБУДЬ МЕНЯ, СОЛНЦЕ» (1993)	59
«Все в прошлом...»	59
«И нет Москвы...»	59
«Что казалось далеким...»	60
«Есть я и ты...»	61
«Не забудь меня, солнце...»	61
ИЗ СБОРНИКА «И НАЙДЕТСЯ ВЕТВЬ...» (1997)	63
«Ничего уже святого...»	63
«Я живу среди дождей...»	63
«На рынок, на экспорт...»	64
«О, как судьба черства, сурова...»	65
«Как ждали мы его – солнцеворот...»	66
«Заброшен зимний полушубок...»	66
«Когда в душе и целом мире смута...»	67
«Мы втянуты в нелепую игру...»	67

«Не отвергай...»	68
«Красный октябрь закончился черным цветом...»	68
«Еще один закрытый детский сад...»	69
В подъезде	70
«Не играй в аристократы...»	70
«Потеряно все...»	71
«Рожайте, женщины, от русских парней...»	71
«Нет, уже не набрать высоты...»	72
«Взрывающая ночь весеннюю...»	72
«Смотрю на мир глазами знатока...»	73
«Я иду по Парижу...»	73
К портрету Шекспира	74
«Мой Черный человек к тому же и красив...»	75
Кильдин	75
«И впрямь за окнами весна»	76
«Восьмое марта – праздник... рыбаков...»	76
«А все-таки лучший дом...»	77
В Марциальные воды	78
«Километры, километры...»	78
«Каждое утро, в центре города...»	79
«Сажают деревья...»	79
«Первое, что я помню...»	80
«Морские птицы заполняют город...»	81
«Я поеду в Норвегию, к морю...»	82
Андаманы	83
«Дом, где собираются несчастья...»	84
В единстве с лесом	84
«Река и лес...»	85
«В двух разных мирах...»	85
«Я не верю тебе...»	86
«Кольцо и крест...»	87
«Вы у любимых забывали перстни...»	87
«Я ждала твоего звонка...»	88
«Легко завоевать эстраду...»	88
«Забывшие финляндские дороги...»	89

«Мы будем счастливы не вместе...»	89
«Зеленых два окна...»	90
«Откуда в Вас столько злости?»	91
«Меня, не приглашенную на праздник...»	91
«Что мне делать с твоими годами...»	92
«ОБРУЧЕНИЕ...»	92
«Когда исчезают земные дела и созданыя...»	93
«Отшумели выюги, отшумели...»	94
«Когда ворвется крошечной звездой...»	94
«Моя маленькая Лиз...»	95
Дочери	95
«Еще февраль...»	96
Беломорье – Балатон	96
ПЕРЕВОДЫ	101
ЭДИТ СЕДЕРГРАН	101
Моя душа	101
Набросок	102
Любовь	102
Эросу	103
Прекрасный Бог	103
Песня на скале	104
ИНГРИД ПРОТЦЕ. «Мы – новые бабушки...»	105
СТАСИС ЙОНАУСКАС. Весна чудес	106
ЭРЖЕБЕТ ВАРГА. Слова	108
ТОЙВО ФЛИНК. «Песню выведу вперед...»	109
ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ САРРЫ ТОЛСТОЙ	110
К Луне	110
«Куда ты исчезло, сияние северных звезд...»	110
«Любимое отечество, прощай...»	110
«Я не хочу ни славы, ни наград...»	111
ПААВО ВОУТИЛАЙНЕН	112
Спасибо бывшим	112
Пасхальное приветствие	112
«Трудом стихотворенья не создашь...»	113

* * *

Чудодействовать – это непросто,
но однажды в начале весны
над растаявшим льдом у погоста
воскреси мои детские сны.

Я смогу чудодейством ответить,
незаметным для тысячи глаз,
и не будет на всем белом свете
двух скитальцев счастливее нас.

* * *

Услышана твоя молитва, Русь,
и на равнинах поутихло пекло,
и на руинах, возродясь из пепла,
ты поднялась.

Я тоже поднимусь
во весь свой рост
с простреленным крылом,
где были раны, станет крепче кожа.
Нас никому с тобой не уничтожить.
Простим врагов. Воздаст им Бог
потом.

* * *

Нет писем сегодня
и, точно,
не будет их завтра –
восточная почта
опять опоздала на Запад.

В вагоне, в таможене
или на аэровокзале
конверт мой, возможно,
в багажный пакет не связали.

Доходят доносы,
секреты в продажных проектах,
а женские слезы
навек остаются в конвертах.

Не жди моих писем,
а жди просто света с Востока –
в пути не зависнет,
он явится раньше, до срока.

* * *

А жаль, что все не вечное –
слияние рас и вер,
и молодость беспечная,
и наш СССР,
моя свобода шалая
от денег и от бирж –
туда, куда летала я,
уже не полетишь –
из Таллинна в Сванетию,
а дальше над Курой,
в Чечено-Ингушетию,
в медовый месяц мой...

Сейчас сию недвижимо
уже десяток лет,
мне до вокзала ближнего

доехать денег нет.
И все не перебесится
бог
 грома над Чечней –
в бою пропал там без вести
медовый месяц мой.

Прощание с советским паспортом

...дубликатом бесценного груза

В. Маяковский

Что за гарь,
а вокруг суета,
что за дым
от костра без поленьев –
здесь советские жгут паспорта,
знаки нашего поколения.

Их кидают в мешок –
полный чтоб!
Словно душат льняною бечевкой.
Чей-то взгляд промелькнёт,
чей-то лоб,
с фотоснимка над подписью четкой.

Там я – русская,
там ты – карел,
он – грузин –
не скрывали мы расу.
Стал он «черным»,
а ты «побелел» –
как зверей судят нас по окрасу.

Мы живём, но горит свод имён,
что с эпохой великой повенчан.
Искры взносятся с разных сторон,
расставаясь с землёю навечно.

Этот груз я спасу от огня,
настрочу в оправданье записки...
В УвэДэ поглядят на меня
с пониманием
все паспортистки.

* * *

То давнее забылось лето
и воздух Грузии пьянящий,
и вместо писем две газеты
мне почтальон бросает в ящик.

И я не помню, было ль утро
на тихой улице в Тбилиси...
Снегами падают минуты,
меня многие из истин.

Каким бы чудом очутиться
мне в небольшом старинном доме,
поцеловать твои ресницы,
почувствовать тепло ладоней.

А писем нет. Быть может, где-то
меня ты вспоминаешь чаще,
но почтальон лишь две газеты
мне по утрам бросает в ящик.

На двухсотлетие А. С. Пушкина

Под башней с выбитым стеклом
был праздник Пушкина устроен,
ансамбль танцовщиц в голубом
дивертисмента удостоен.

Сверхуважаемый народ
на юбилее важном этом.
У монумента в славный год
отказано читать... поэтам.

По уголкам родной страны
стоят подавлены, забыты
пророки, русские пииты.
Восстаньте ж, «сукины сыны».
Пусть ваша зазвучит свирель
и сладострастно, и сурово.
Где Пушкин – там всегда дуэль
за Русь
за женщину
и слово.

* * *

А на земле январь,
еще один,
кончается
еще одно столетье.
Земля взрослеет.
Помоги взрослеть ей,
двадцатый век,
товарищ-господин.

Пройди свои высокие стези,
не слушай злых пророчеств и поверий,
чтоб шар земной
не стал твоей потерей,
двадцатый век,
дерзай! А не дерзи!

Найди в себе немного доброты,
немного целомудрия и ласки,
и, может быть,
как в старой русской сказке,
от страшных снов
освободишься ты.

Зови с небес, встревоженно трубя,
на землю снег – как свет, как очищенье,
и отзовется песней
мир весенний.

Двадцатый век!

Нам не забыть
тебя.

* * *

Не первый раз,
не первый год –
случается, и мне везет.
Встречая зимнюю зарю,
ушедший век благодарю
за то, что вспыхнули в пургу
три алых розы на снегу.
Возможно, их волшебный свет
мне озарит еще сто лет.

* * *

Они уезжали молча,
не прощаясь,
словно уходили в разведку,
не благодаря,
не проклиная
и не давая нам новых адресов.

Они продавали квартиры и дачи,
кресла-качалки и лыжи,
не оставляя за собой
мостов,
кроме братских могил
расстрелянных дедов.

И становилось грустно,
вместе с ними
исчезала с улиц
музыкальная речь
и чистота.
ФИННЫ...

Эспланада

(красивейшая улица в Хельсинки с памятниками поэтам)

Эспланада, Эспланада –
сердце северного града,
вся услада и отрада
она.

Где «Капелия», как улей,
Эйно Лейно в карауле
и над миром его лира
слышна.

Я иду с тобою рядом
с твоим именем и взглядом.
О, каким владею кладом
одна.

Берег холода и лада,
уведет нас Эспланада,
и останусь я, как надо,
без сна.

Ю. Павлову

*Случайный лес – понятие
современной математики.
При некоторых условиях
в случайном лесу выживает
только одно дерево.*

Встречай меня в лесу случайном,
где нет ни выхода, ни входа,
где тихой музыкой ночами
звучат былые сны и годы,
где в каждом дереве – созвучье,
переплетенное с листвою,
где так искусно и певуче
колдует клен над головою.
Среди берез, рябинок ровных
он красивее, и выше,
но цель единственная – выжить –
уже не греет ему крону.
Уже не радуются листья
их удивительному блеску –
скрываются туда, где мгlistей
туман кружит у перелеска.
Ты это дерево, я верю,
ты величав, но ты печален,
я музыкой из заозерья
вернусь к тебе в лесу случайном.

* * *

Сушина,
словно дирижер,
над низкорослыми кустами,
над морем, ветхими домами
стоит приковывая взор,

кружа нам головы, круша
ночные склоны в миг отлива,
и по-девичьи горделива,
и так стройна, так хороша.

В изломах розовый гранит
напуган странною соседкой,
а время с завистью столь редкой
на это таинство глядит,

перед мистерией корней
лишь отступая бесконечно,
и перед жизнью, что не вечна,
и перед памятью о ней.

В деревне

Меня хлестали вениками бабы,
гостившую в деревне –
эка блажь!
Я и сама попариться могла бы,
да предложили –
денешься куда ж?
Они от сердца парили, с любовью –
не видели гостей они давно.

А мне казалось, я терплю побои
за то, что здесь, в деревне,
не дано:
проснуться поздно, долго красить брови,
с работы побежать в спортивный зал –
не для рекордов и не для здоровья –
а чтобы друг толстушкой не назвал.
Всё говорило женскими руками,
желавшими меня преобразить.
И мне с моими песнями, стихами
в тот миг им было трудно возразить.

Песенка

Каблучки мои, как нотки, звучат
в предрассветной тишине.
Я красивей всех московских девчат
ты сказал сегодня мне.

Я и верю, и не верю словам,
но глаза твои полны
тайным светом, что является нам
из рассветной тишины.

Во дворе у нас качели скрипят,
вторя птицам и ручьям,
мы живем среди хороших ребят,
нам не спится по ночам.

Каблучки мои, как нотки, звучат
в предрассветной тишине.
Я красивей всех на свете девчат,
ты сказал сегодня мне.

* * *

Ю. Т.

Сбереги мне озеро до тепла,
С берегом березовым у косогора...
С первыми морозами я ушла,
Но вернусь с последними – это скоро.

От зверей смородину приукрой,
Помнишь, как нам сладостно было с нею
А с черникой, собранной тобой,
Пироги намного вкуснее.

Все пути заснежены – вьюга – Русь,
Не на лыжах мне, не на конях,
Но однажды с радостью я прорвусь
В твой пейзаж морозной строкою.

Сбереги мне озеро до тепла,
Без пригляда озеру жить опасно.
Ну а печка русская все цела?
Раз цела, то жди меня ближе к Пасхе.

* * *

Эти зимние сказки –
в зале – плюс
ничего,
мерзнут руки и краски –
Новый год, Рождество.

Появившись под аркой,
утешая народ,

Дед Мороз без подарков
возле елки встает.

Поздравленья – короче,
развлеченья – длинней,
новогодние ночи
без тепла, без огней.

Снег предательской горсткой
через стены пророс,
обрасти бы мне шерсткой
в этот жуткий мороз,

стать пушистой лисицей
или белым песцом
и под снегом укрыться
за высоким кустом.

* * *

Написать бы письмо с тоски
смуглому мальчику из Шри-Ланки,
туда, в Коломбо,
где рай земной:
– Мне холодно,
приезжай за мной.

Но потерян давно твой след,
с песнями непонятыми, поэт,
зававший меня
к цветущей земле,
мною брошенный
в мороз в феврале.
Зимой в России

снегов среди
меня просивший:
– Не уходи.

Маме

В мороз – подаренный цветок,
в ненастье – свет, в жару – прохлада,
из детства нашего звонок –
твой добрый смех –
за все награда.

Но редко слышу я твой смех,
а все печали и заботы,
и не находишь ты утех
во взрослых детях отчего-то,

А жизнь, дарованная нам
тобою,
 столь неповторима,
и радость не проходит мимо,
так не сердись на годы, мам!

И замечала я не раз,
увидю если ранним утром
улыбку материнских глаз,
день будет светлым, будет мудрым.

* * *

Где ты бродишь, маленькая крошка?
Отчего тебе не дорог дом?
И твоя весенняя дорожка
за каким теряется углом?

С ужасом смотрю на перекресток,
словно пес, вдруг потерявший след.
Где ты, моя девочка-подросток?
Возвращайся, твой остыл обед.

Может, мой гуляш тому виною,
борщ не густ и жестковат пирог...
Твое детство песней озорною
от меня несется со всех ног.

* * *

Я буду Вам верна,
как старая собака,
послушна и нежна,
как длинношерстный кот.
Я буду как звезда,
возникшая из мрака
под самый Новый год,
под самый Новый год.

Найти меня легко –
свернуть с прямой тропинки,
куда не пролегла знакомая лыжня.
Когда Вам на ладонь опустятся снежинки,
Вы в свете их лучей
увидите меня.

* * *

Не бойся моего тепла,
я не обожгу,
только согрею твою озябшую душу.
Если тебе станет жарко,
я незаметно превращусь в лед
и остужу тебя
волосами из первого снега.

Такого еще не видел мир –
Мисс Ледовая скульптура
в образе живой женщины.
Выбирай же –
тепло или холод в зимнюю северную ночь?

* * *

Мы были вместе несколько минут,
но за эти минуты
слова обрели иной смысл,
словно реки – другие берега.

Несколько минут –
но сблизилась далекие пространства,
и отступило бессмысленное время
перед неожиданной радостью.

Что же произойдет с миром,
если мы будем вместе всегда?

На Пушкинской улице

В темно-синем окне
отражается белое облако,
блеск последнего льда
и движение первой волны.

В темно-синем окне
я не вижу любимого облика,
но открылся мне мир
с самой светлой своей стороны.

Как отрадно шагать
переулками к вешему дереву,
как легко мне дышать
у прохладной онежской воды.

Твой вернется корабль,
потому что так хочется берегу,
потому что вдвоем
мы спасаем весь мир от беды.

* * *

Когда я прохожу мимо твоего дома,
ты машешь мне из окна рукой
и таинственно улыбаешься.
Когда я захожу к тебе,
улыбка исчезает с твоего лица,
а рука становится неподвижной.
И вот я стою под окном,
не решаясь войти –
мне нравится твоя улыбка,
а тебе –
далекое расстояние.

Рябиновое пророчество

Мне ваши глаза
напророчили жаркую осень.
Я знаю,
 что это пророчество
будет сбываться –
и в кольцах кудрей Ваших
я потеряю колечко,
которое Вы подарить мне еще не успели.

Да не исчезает
меня охватившая радость,
и гроздь рябины
горят в моих снах бесконечно.
Я знаю, что с Вами
беда не зайдет в мое сердце,
когда я увижу рассвет
сквозь кудрей Ваших кольца.

Памяти Пааво

Вспышка фотоаппарата
видно, в этом виновата,
словно, стрелами пронзила
наши бедные сердца.
– Встаньте ближе, обнимитесь, –
призывал хмельной фотограф.
Обнялись мы, и объятья
так и длятся без конца.

Я не видела счастливей никого,
чем мы на снимке,

а над нами свет астральный,
свет сквозь стены и века...
Первой премии достоин
будет наш хмельной фотограф.
Я гляжу на фотоснимок –
это мастера рука.

* * *

Ты у меня первый –
я не любила никого раньше,

ты у меня последний –
я не полюблю никого больше.

Ты у меня единственный –
я не люблю никого кроме
тебя.

Но есть ли у меня ты?

* * *

Скорее спать, чтоб окунуться в бред
и ощутить губами Ваши плечи
в тот миг, когда со мной Вас рядом нет –
как виртуальны, друг мой, наши встречи.

А наяву в реальности ночной
горит душа,
и, все на свете прокляв,
печально дым рисует надо мной
моей любви неясный иероглиф.

А рядом с пониманием ко мне
одна звезда блуждает по орбите,
пронзительно мерцая в тишине,
чеканя светом:

– Сильно не любите!

Я обещаю сильно не любить,
но вовсе не любить не обещаю.
Я Вашу виртуальность Вам прощаю,
простите мне моих бессониц нить.

На отъезд

Так ли нужно, друг мой, это бегство
от созревших с щедростью рябин?
Оставляя муки мне в наследство,
ты уедешь в Челмужи один.

Не согреет вечная свобода,
на чужой костер не хватит дров.
Вдруг еще ненастная погода,
и не будет сказочным улов?

Песнь спою тоскливую безмерно
парню из соседнего двора...

Так ли нужно, свет мой,
так ли верно
убегать от нашего костра?

* * *

В сверканье листьев непрерывном
среди восторгов и тепла
сентябрь закончился обманом,
какого осень
не ждала.

Не предсказали даже звезды
крушения в кругу земном,
рябины пурпурные гроздьа
не простонали под окном.

В волшебном красок вороженье
наш не заметен был закат.
Лишь сердце в предостереженье
вдруг застучало невпопад.

Я к ночи перережу вены
ножом, наточенным тобой,
я все прощу тебе измены...
Соседи спишут
на запой.

* * *

Мне непонятен Ваш постыдный ход,
мне непонятно, в чем моя вина,
но знаю я, что в ночь под Новый год
в такой мороз
уже не нужен тот,
кому я в летний полдень не нужна.

* * *

Любимый мой,
душа уже не может
неслыханную слышать клевету.
Безумен век, что рядом с Вами прожит,
чудесен час, убравший слепоту.

Я оставляю Вас
такого дорогого
друзьям лукавым
и кошмарным снам,
Вам не нужны ни кисть моя, ни слово,
поделим нашу память пополам.

Чтоб в одиночестве
среди пустых бокалов
был окончательно развенчан женский культ,
я оставляю Вас
во тьме телеканалов
смотрите все, поглаживая пульт.

* * *

Нам ехать вместе,
парень с рюкзаком,
с букетом, предназначенным кому-то,
о девушке ты думаешь как будто,
а я вот, понимаешь, ни о ком.

Она опять прильнет к твоей груди –
какая встреча будет на вокзале!
Меня, как ты заметил,
проводжали,
никто не ждет с цветами впереди.

Но мы любили,
что тут вечность,
когда у нас был этот миг.

* * *

Я – та, кого оставят партизаны,
не поведя в полуночный поход –
мой вдох – как хриплый грохот барабана,
ни друг, ни враг меня не подберет.

И только ветвь,
склонившись надо мною,
прошепчет заговор
от разных бед.
Зеленый лист, спасибо, что весной
ты мне даешь на жизнь
зеленый свет.

* * *

Да, мы останемся друзьями,
но мы останемся,
и не исчезнем друг для друга,
и я не вычеркну из памяти
твоего имени.

В чьих-то холодных объятьях
меня согреет воспоминание
о тепле твоих рук,
и удары твоего сердца
будут отсчитывать время
нового моего счастья.

ИЗ СБОРНИКА «БЕЛЫЕ ПТИЦЫ» (1986)

* * *

Осталась во мне эта воля –
поморский наследственный знак,
мой прадед скитался по Коле,
и дед был ходок и рыбак.

Возник

как из облака парус,
с порывистым ветром в ладу,
я паруса смело касаюсь,
по Ладоге быстро иду.

Мой курс через шквалы и штили,
стремителен лодочный ход,
и звезды мне путь осветили,
и старая карта не врёт.

Однажды далёкая бухта
откроется вдруг впереди,
там кто-нибудь ждать меня будет...

И сердце велит мне:

– Иди.

За каждой скалою заветной
ушкуйников древних следы,
И я устремляюсь за ветром
и музыкой вольной воды.

* * *

У земли моей
нет краю,
ленной тяжести годов –
с первым солнцем убегаю
от приладожских снегов.

А дороги – словно сети,
и не выпутаться, нет.
Да и что на белом свете
мне милей,
чем белый свет?
Но дождешься перевозимков –
обернется не со зла
лето
пачкой фотоснимков
в левом ящике стола.

И дорожные заметки,
снимки, сколько ни грусти,
не утешат,
не заменят
ощущения пути,
ощущения России,
ее сосен и полей,
первых утренних росинок
и последних журавлей,
и невзрачных новых башен,
живописных старых сёл,
и людей радушных наших,
с кем в дороге случай свёл.

На Севере

Здесь не было
ни крепостного права,
ни войск Орды,
прошедших полземли.
Что гордые живут здесь –
это правда,
кто слаб и малодушен –
не смогли.

Да, одиноки,
но не сиротливы
на Севере часовни и дома,
и люди здесь добры, не суетливы,
ни сил не занимать им, ни ума.
И каждая старушка знает сказки,
от древности
полученные в дар...
Не смыть снегами северные краски,
как не смываем северный загар.

Холмогорская ярмарка

К Белу морю с Волхова
долго шли, волочили волоком
корабли.
По болотам топким –
все на торг.
Добрались бы только –
был бы толк!

– Новгород, право,
столь богат.

Что тебе по нраву?

Думай, брат:

тонкая посуда –

медный звон,

это ли не чудо –

белый лен,

гребень деревянный,

кожа, креп,

с запахом медвяным

русский хлеб...

– Покажите, братцы,

коноплю,

для сетей рыбацких

я куплю...

Мой товар на выбор:

птичий пух,

лисий мех да рыба

для стряпух.

Затевай, затейник,

игры, смех

празднуй, коробейник

свой успех!

В Холмогорах – песни,

дивный торг...

Доберетесь если,

будет

толк!

* * *

Мне в слове *Север*
слышится: совет,
сердечное тепло и созиданье.
Есть в этом слове
сдержанность и свет,
суровость есть и сопереживанье.

Не красотой лесною удивлять,
достойно и любви и восхищенья,
смысл Севера в другом –
соединять,
и Север для меня – соединенье.

Земля неповторимая моя
собравшая народы и наречья
под северным сиянием
навечно, –
и песнь моя, и совесть, и судья.

* * *

Открой глаза
и среди синей ночи
узнай себя в мерцании звезды
и в тех последних, невеселых очень,
упавших с неба капельках воды.

Узнай себя в тугом зеленом стебле,
из почвы поднимающемся ввысь,
И в птице
пролетающей над степью,

и дереву,
как другу, отзовись.

И пусть тебя всерьез беспокоит
о помощи взывающий ручей...
В единстве с лесом, небом и рекою
единство наше, может быть, —
людей.

Белые птицы

Как похожи вы,
белые птицы
с самых разных земных берегов.
Здесь во льдах, среди вечных снегов,
что заставило вас приютиться?

Ни оттаять — короткое лето,
ни согреться — остудят ветра.
Внемля зову рассвета,
собираются чайки.
Пора.

В разных стаях отправятся снова
к берегам отдаленных морей.
Солнцем сдержанным,
солнцем суровым
напоследок их, Север,
согрей.

* * *

Рисунок северного камня –
автограф древнего огня, –
невероятность предрекая,
зовет на исповедь меня.

В лесу

веками в отдаленье
никем не познанный лежит,
скрывая сны и размышленья,
не доверяя мне,
гранит...

А почему ж мои печали
мои грехи, мои мечты
тебе известны изначально
и к ним так безучастен ты?

* * *

Мой старый кот –
бездельник и затворник
сопит у батареи ясным днём...
Последний лист
смахнул метлою дворник –
прощается природа с октябрём.

А солнце, ослепительно сверкая,
не думает еще о холодах,
и осень, запоздалая, сухая,
опешила на черных бороздах.
И если бы не озера суровость,

и не число в моем календаре,
и не деревьев обнаженных робость,
я думала бы –
 лето на дворе.

* * *

Не та палитра,
холст не тот,
и все с утра наоборот,
не те поля вокруг,
не та окраска нынче у куста,
непостоянна осень –
преобразилась очень.
Исчез мой лиственный пейзаж:
беру не кисти –
 карандаш,
рисую,
 как из белой мглы
встают озябшие стволы.
В надломленности их ветвей
надломленность
 судьбы моей.

* * *

Мы бежим по высоким лугам,
мы теряемся в облаке горном,
подставляем ладони снегам,
над потоком стоим непокорным.

Утром песня вершин позовёт,
и на лыжах помчимся среди сосен,

В гостях

Вхожу в дом парижского поэта
и боюсь за себя –
что за столом перепутаю правила
французской грамматики,
и за него –
что после кофе он будет говорить мне
политические колкости.
Но вдруг узнаю,
что так же, как и я,
он любит детские сказки
и далекие путешествия,
русскую музыку
и стихи Ван Вэя,
нас переполняют одинаковые тревоги,
и в наших сердцах
живут одни и те же надежды.

Художнику

Художник в счастье одинок,
но пуще – в горе.
О, если б время без тревог
познал он вскоре.
Но, затерявшись в суете
встреч и прощаний,
он верит искренней мечте –
творить в молчанье.
И правду выстраданных строк
подпишет время –
когда художник одинок
то он со всеми.

* * *

Володе

Боль
за болью
чередой
отзывается,
мой успех с твоей бедой
уживается.
А в удачу я свою
нет, не верую –
измеряется она странной мерою:
получу благую весть,
что ж хорошего –
в твоей жизни круговерть
горше горшего.
Чтоб сберечь тебя, друг мой,
от злой участи,
я хочу себе самой
невезучести.

* * *

Преображаясь каждое мгновенье,
осенний день уходит.
Торопись,
сегодня не возьмешься ты за кисть –
наутро не увидишь повторенья.
Неистово,
своей дождавшись власти,
враждует ветер с листьями всерьез,

минута –
и в кружении берез
запутаются солнце и ненастье.

Бери скорей эскизную тетрадь –
двух листопадов не похожи лица.
Уходит, не умеет осень ждать,
в рисунке помоги ей повториться.

* * *

За гладкой речью,
как за гладким лбом,
порою злоба спрятана умело,
так не хвали за речь –
хвали за дело,
не обольщайся правильным лицом.

Улыбкой неразгаданной влеком,
в лице, как в мире,
постигаешь тайну.
Не превратилась бы она случайно
в пустой обман,
который всем знаком.
Средь многих лиц – прекрасное одно,
увы, его не каждый замечает,
лицо, что не таит, а излучает,
нам долго-долго помнится оно.

Прячу обиду, мне видится снова
бесповоротность путей, остановок.
Издалека, где теряется свет,
то ли прощание, то ли привет.

* * *

Это все-таки нелепо –
ждать конца зимы и лета.
Как бы ни был труден год,
горше, если он пройдет.

Пусть, не выдержав разлуки,
нам любовь оставит муки,
хуже, если в горький час
навсегда покинет нас.

* * *

Между Москвою
и Петрозаводском
связь восстановится – сразу прервется.
Может, погода?
Или помеха?
Но за окном – ни бури, ни снега.
У телефонов два человека...
От голосов их
на удивленье
линия связи
словно в смятенье.
Ей совладать с собой не удастся –
рвется.

Диск автомата
крутится снова.
Слова хочу я!
Звучащего слова!
– Здравствуй, любовь моя, –
только услышу – звуки все дальше,
звуки все выше.
– Здравствуй, любовь моя, –
проговоришь мне,
а остальное, может, излишне?

* * *

Когда ко мне
как свет звезды далекой
придет письмо,
я, время не кляня,
его прочту в раздумии нелегком –
в минуты эти помнишь ли меня?

И пусть оно еще горит
признаньем,
и в каждом слове – музыка и свет.
Но штемпелем
со знаком опоздания
отмечен твой надорванный конверт...

А все-таки
у нас одна планета
и путь один.
Я напишу опять,
что жду, как прежде, твоего ответа
и никогда не перестану ждать.

* * *

А я все в кого-то влюблена,
а в кого – я и сама не знаю.
Может, где-то прячется весна
и колдует синими глазами.

Просыпаюсь и скорей бегу
на рассвете по лесной лыжне я.
Русь, люблю тебя весной в снегу
еще крепче и еще нежнее.

Снег, последней силой напоен,
все хрустит, весны не замечая,
но уже сияет окоем,
растает с долгими ночами.

С высоты разбуженных небес
первый луч оглядывает ветви
и скользит лыжне наперерез,
укрощая северные ветры.

Ждет меня в деревне теплый дом,
пес лохматый выглянет, залаяв,
и, вильнув от радости хвостом,
побежит будить своих хозяев.

* * *

Утварь домашняя –
крынка, корытца,
длинных скамеек бревенчатый цвет
и – что за ценность –
передник из ситца,

чей-то свидетель
и счастья и бед.
– Видите, – скажут, –
в орнаменте вышит
символ далеких вселенных и звезд.
– Вижу, – отвечу, –
два пятнышка выше,
может от масла... А может –
от слез!

Как ни скрывай,
в одиночестве мучась,
раны душевной, нежданной беды,
слез ни угаивай – горькая участь
даже на ситце оставит следы.

Женской судьбы
два таинственных знака,
непредугаданных капельки две,
так, ненароком
с кольцом Зодиака
соединясь, оказались в родстве.

Просто озеро

Г. М. Керту

Уходили в города –
брошен дом и двор.
Уносили навсегда
имена озер.

Оставляли на века
кровное жнивье...

Им название река
отдала свое,

русских песен ворожбу
подарила им,
отдала свою судьбу,
с именем своим.

Спросишь через много лет
про места вокруг.
– Просто озеро, – в ответ, –
просто речка, луг...

Но настанут времена —
в сердце зазвучат
рек забытых имена,
позовут назад.

Предвестник

Небо давит холодами,
Но, к морозам глух,
вдруг взовьется над садами
тополиный пух –
о жаре напоминаьем,
холоду назло,
предвестит своим касаньем
долгое тепло.

Обнадежит невеселых
в пасмурные дни
рой пушинок
невесомых
у ветвей в тени.

Как лист обнаженную ветвь –
покидаешь дорогу,
сродни опустевшему полю
усталость души...
Но с первой капелью
она зазвучит понемногу,
и снова к своей борозде –
на межу,
на дорогу
спеши!

ИЗ СБОРНИКА «НЕ ЗАБУДЬ МЕНЯ, СОЛНЦЕ» (1993)

* * *

Все в прошлом –
музыка и речь,
весна с ее высоким небом,
страна с ее вином и хлебом,
все то, что стоило беречь.

Все то, что родиной звалось,
казалось миру лавой грозной,
рассыпалось, как в день морозный
срывается рыбины гроздь

Вослед ушла любовь моя,
так и не понятая мною...
Лишь ярче звезды над землею
в конце крутого декабря.

* * *

И нет Москвы,
есть новый Вашингтон,
второй Нью-Йорк и, может быть, Чикаго,
но не Париж, тем более не Прага...
О, чем ты, русский зодчий, вдохновлен?
Лицо Москвы, изгиб его, овал
на чуждый лик ты лихо променял.
Обмен, достойный труса и раба,
и право, – незавидная судьба...
Коль выпало тебе идти на бой –
построить храм, а там звезда иль плаха,

коль выпало, не разрушай, а строй,
но то, что создавалось не тобой,
не тронь под властью власти или
страха.

* * *

Что казалось далеким
романтическим сном,
вдруг предстало нелегким
новым днем, новым дном,
смесью ада и рая
царской водке сродни,
вновь судьба выбирает
за тебя твои дни.
Над землей вереница
и побед и обид,
и летит колесница
мимо трех пирамид.
Мы – в шальной колеснице
и неведом наш путь,
нам не остановиться
и не передохнуть.
Слово древних провидцев
только мчатся велит
мимо стран и правительств,
мимо трех пирамид.

* * *

Есть я и ты,
и есть конец зимы,
и в небе предрассветном предвесенье.
Есть даль и удаль,
отчего же мы
грустим, раз нам обещано веселье?

Ведь есть любовь, рожденная в мороз,
нас гревшая метелью ледяною,
пылавшая безудержно, всерьез...
Но что с ней будет позднею весною?

* * *

Не забудь меня, солнце,
долгой-долгой зимой,
так невесел декабрь темноликий.
Только свет мне оставь,
друг забывчивый мой,
только свет из июльских реликвий.

Я живу у онежских метелей в плену,
у полуденной северной ночи.
Днем встречаю закат,
утро клонит ко сну,
колыбельные песни бормочет.

Оттого так сильна
жажда летних зарниц.
Но осилит и жажду и смуту
весть,
слетевшая вдруг

с календарных страниц,
что прибавился день на минуту!

А с минутой прибавилось много

надежд,

а с надеждами – новые силы...

Солнце первым лучом

в предрассветный рубеж

раньше прежнего мир осветило.

ИЗ СБОРНИКА «И НАЙДЕТСЯ ВЕТВЬ» (1997)

* * *

Ничего уже святого
на Руси моей Святой,
Вот и выкинуто слово
из печальной песни той,

что, казалось, будет вечно
литься с синей высоты...
На каком другом наречье
о любви зашепчешь ты?

Ни небесного, земного,
сбранного в узелке –
жаль потерянного слова
на родимом языке.

Но разбуженная хрусткой
перекличкой воронья
по ночам кричит по-русски
дочка финская моя.

* * *

Я живу среди дождей.

У меня был дом,
но родным не хотелось
чтобы он у меня был.

У меня был любимый,
но друзьям не хотелось,
чтобы он у меня был.

У меня была Родина,
но врагам не хотелось,
чтобы она у меня была.

У меня было солнце,
но тучам не хотелось,
чтобы оно у меня было.

У меня остались одни дожди...

Но, может, найдется тот,
кому не захочется,
чтобы они у меня были,

и вернет мне –
дом, Родину, солнце...

* * *

На рынок,
на экспорт
для желтых и черных
везут ослепительно белых девчонок,
не зрелых душою,
с наивностью в сердце –
на экспорт, на шоу,
на пир
к иноверцам.
И не побежит однокурсник вдогонку
на бой за любовь и за дуру девчонку,
а впрочем, не дуру, а умную даже,
которая знает что все –
на продажу,

что все, чем когда-то дышали и жили,
ее однокурсники и заложили.

И я уезжаю от жизни без лада,
и ты

не окликнешь:

– Останься! Не надо!

Лишь сердце мое православное в страхе –
мне песен не петь там, где Русью не пахнет.

* * *

О, как судьба черства, сурова,
но вместо милости богов
к вам русское приходит слово
вдали от русских берегов.

И веришь звуку, словно злаку,
как стеблю, дереву, зерну...
Не веря западному злату,
творишь у Запада в плену.

«С Россией скованные снами»,
кому отправите теперь
все, недописанное вами,
на чей алтарь? В какую дверь?

От Сингапура до Парижа
разбросана моя родня,
где снега нет, где звезды ниже...
и отблеск русского огня.

* * *

Не отвергай,
тебе привидеться
смогу тибетскою провидицей,
но лучше – северной провинцией,
с такую северной судьбой.

Свою подругу – ночь бессонную,
белесую и невесомую,
с росой чистой, бессолою,
я приведу тогда с собой.

С улыбкой царской, независимой
не называй меня завистницей.
Россия держится провинцией
и русской женщиной любой.

* * *

Красный октябрь
закончился черным цветом,
черный октябрь
закончился красным снегом,
и каждый раз это был конец света.
Но твой октябрь
был просто концом лета,
когда появилась ты, Елизавета.
Три октября –
для меня очень много это.

* * *

Еще один закрытый детский сад –
в песочнице – забытые лопатки,
нужду справляет,
важен и пузат,
огромный пес на маленькой площадке.

Разобран деревянный самосвал –
на чью-то дачу отдирают рейки,
зловеще
не затушенный упал
окурок
на ромашку у скамейки.

Стареет род, хворает поводырь,
за портом порт сдается,
град за градом,
богатыри уходят в монастырь...
Не надо на Руси детей! Не надо.

Как этот мир я сыну подарю –
безденежный бездетный и бездольный?
Как ангела к чужому алтарю
незванным гостем приведу невольной?

И если жизнь – столь непосильный крест,
как бастовать мальчишкам не рожденным?
Их молчаливый выражен протест –
не появляться
в доме разоренном...

Но ты, мой сын, рождайся и кричи –
пусть плач твой, оглушая без пощады,
пронзит все души намертво в ночи,
прогонит псов
с детсадовских площадок.

В подъезде

Иду, нет, не по трупам –
по спящим пьяным мужчинам,
лежащим в темном подъезде...
Им уже не подняться,
мне уже не перешагнуть,
а тот,
кто мог бы меня перенести,
тоже лежит где-то на Кукковке
(его там недавно видели).
Я наступаю на голени и бедра,
чтобы не сломать им ребра.
Скоро я научусь летать:
там, где плохие дороги, –
хорошие самолеты,
там, где валяются мужчины,
у женщин
должны отрасти крылья.

* * *

Не играй в аристократы –
прадедов не зли,
не за право быть богатым,
не за титулы – когда-то
погибали брат за брата
и за честь земли.
Выше званий – честь отчизны
и людская честь.
Нему аристократизма,
если совесть есть,
если есть в душе пространство,

а у сердца свет,
что искать в себе дворянства
позабытый след.

* * *

Потеряно все.
Мы не вынесли гонки,
и царствует ночь среди белых высот.
Где мамы – мадонны,
там папы – подонки,
тебя, Богоматерь, никто не спасет.

Листва опадет в неглубокую речку,
повеет теплом от чужих деревень,
поставим же не догоревшую свечку
за нашу судьбу, наступающий день.

* * *

Рожайте, женщины, от русских
парней,
пока они «в седле»,
пока под ними мост не рухнул
на покачнувшейся земле,
пока они горды, не пьяны,
не выселены за дебош,
пока их речи не обманны,
и каждый чем-нибудь хорош...
О, как их изменяет время –
и неудача, и успех.
Я восхищалась ими всеми,
теперь их презираю всех.

* * *

Смотрю на мир глазами знатока –
о, как нелепа мудрость в светлый полдень –
чтоб радоваться шороху листка,
не надо все на свете знать и помнить.

Смеется лес над мастера мазком,
смеется небо над людской тоскою,
и ничего не выразить стихом,
когда взлетают утки над рекою.

Звучат над первой зеленью полей
еще не пробудившиеся ветви.

В движенье пальцев
дочери моей –
вся созданная музыка на свете.

И мы живем не для тревог и бед.

Зла в мире нет –
поверьте в это люди.

Мы счастливы, когда мы просто любим,
даря тепло сердец своих и свет.

* * *

Я иду по Парижу,
километры глотая,
забывая поестъ
в монпарнасских бистро,
про тебя, про кого-то еще забывая,
русской песней влетая
в пейзаж Писсаро.

Подыграй мне, скрипачка,
мы сердца растревожим.
Ты стоишь у метро
и поистине жаль,
как на старенькой скрипке
случайным прохожим
отдаешь за бесценок
свой талант и печаль.

К портрету Шекспира

М. Х.

Холст,
такой черный,
каким бывает небо,
когда на нем рождается новая звезда...
Из глубины –
из не изображенного пространства,
как сквозь чернь на серебре,
проглядывают два огня –
глаза
 без следа гнева,
 безумия,
 поучения.
Так смотрят цветы,
впервые открывающие свои бутоны
солнцу...
Это не дьявол,
но это и не Бог,
это Шекспир.

Мой Черный человек к тому же и красив,
к тому же и умен, еще красноречив,
еще светловолос,

а рост!

Я потому жива, что знаю, всякий миг,
когда душа зайдет, отчаявшись в тупик,
он вспомнит обо мне и тихо скажет:

– Пой.

И я в ответ кивну послушно головой,
все сразу обрету: огонь, порыв, покой,
его плеча коснусь покорною рукой,
коснулась бы волос,

да рост...

Мой Черный человек, витийствуй и играй!

Заложеной душой моей повелевай.

Тебе взамен – молва?

Нет, сокровенный свет.

Жива любовь, жива.

Люби и пой,

поэт!

Кильдин

За все просчеты и труды
мне снятся северные льды,
полуночные берега,
где зреют камни, да снега,
и беглый среди беглых льдин,
возникший из легенд – Кильдин.

Мой остров, одинокий скит,
и за меня он постоит?
Направит северные льды
добыть спасенье от беды?
Иль, наконец, в весеннем сне
хотя бы вспомнит обо мне?

* * *

И впрямь за окнами весна.
И кто бы в это мог поверить,
и кто бы это мог проверить...
Одна она, одна она.

Учись весною у весны.
Пусть побывав солисткой в хоре,
любовь предательски уходит,
не ведая своей вины.

Но станет светел мир и чист,
душа найдет в себе опору
и обернется кроной скоро
надежды яблоневый лист.

* * *

Восьмое марта – праздник...
рыбаков –
и выходной, и лед еще не тонок.
Едва собравшись, засветло, спросонок,
спешат мужи из теплых уголков,

туда, где снег блестит как чешуя
зеркального с отливами леща, и
туда, где лунки маленькой края
огромную Вселенную вмещают,

где прикипает к удочке душа
и замирает в ожиданье зова,
где жизнь в любую морось хороша
с уловом и без всякого улова.

* * *

А все-таки лучший дом –
под открытым небом,
в кольце сосен и звезд,
где не мешают стены
всматриваться в озерный берег,
слушать голоса трав
и шагать далеко, далеко,
куда глаза глядят
и куда не глядят
И найдется ветвь,
укроющая от дождя,
и ствол, согреющий
таинственным теплом,
и куст, который протянет
свои огненные ягоды
и скажет:
– Иди.

Миккели, октябрь, 1994 г.

В Марциальные Воды

Уехать, уйти... Но куда?

В Марциальные Воды!

Ты слышишь –

весна призывает тебя и меня

в звенящую даль

под берез белоствольные своды

в просторы сурового бога меча и огня.

Он здесь милосерден –

Его благодать беззаветно

нисходит на всех

земледельцев, поэтов, царей.

С нетающих гор

нас прокатят апрельские ветры,

и первый цветок озарит из-под снега детей.

* * *

Километры, километры –

сосны, серые мосты,

километры, километры –

воплощение мечты...

А вокруг земля пожухла,

зной недели напролет,

в мире жарко, в мире жутко,

а душа моя поет.

Далеко не надо ездить

ни на запад, ни на юг –

в нашем северном предместье

обретется дом и друг.

Я запомню эти ветви,
пни и каждый поворот
по лесной дороге ветхой,
что к добру... не приведет.

* * *

Каждое утро
в центре города
просыпается дерево.
И каждый день
под его ветвями
решается чья-то судьба.
Окруженное серыми домами,
оно верхним краем кроны
успевает поймать солнечный свет
и тут же подарить его нам.
А мы вокруг ствола
сужаем кольцо асфальта
и к нему, городскому дереву,
день и ночь живущему рядом с нами,
относится как к чему-то
неполноценному.

* * *

Сажают деревья –
что ярче и проще!
А в городе вырастет новая роща,
у хрупкой рябины,
а может быть, клена
свиданье любимой
назначит влюбленный...

точно уже никто не скажет,
куда мы шли...
Потом в моей жизни
было мало моря,
еще меньше неба,
вместе темных волн
вставали белые стены,
на руки меня брали,
чтобы тут же бросить в постель,
но я иду...

Впереди –
узкий мостик,
я несу по нему дочь,
я боюсь за каждый свой шаг
я даже не знаю,
ждут ли нас там, на берегу,
где много цветов и дождей,
и есть ли вообще этот берег.
А в ее сердце –
ни страха, ни ужаса,
она почему-то
не боится ничего...

* * *

Морские птицы
заполняют город,
кружатся по весне над каждым домом
и знают – сердобольные хозяйки
им бросят что-нибудь съедобное из
ОКОН.
Они летят, забыв морскую гордость,
уподобляясь воронью, к отбросам
и затевают драку с воробьями

за власть над ящиком

«для пищевых отходов»...

Я понимаю, не осталось рыбы,
губительный над берегами воздух,
и то, что называется водою,
возможно ли водою называть?
Но есть еще на свете слово

«гордость»...

Но есть ли Гордость?

Или только слово?

Так думая об этом, белой чайке
я бросила из своего окна рыбешку.

И птица на меня тогда взглянула,
не радуясь, а словно упрекая,
расспрашивая будто: «А сама?»

Когда бы надо громко хлопнуть дверью,
уйти, не оглянувшись, не жалея,
все потерять и жить с беспечным

сердцем –

прощаешь все.

А все прощать не надо...

Ведь есть еще на свете слово

«гордость»,

но есть ли гордость?

Или только слово?

* * *

Я поеду в Норвегию, к морю –
мне уже приготовлен корвет.
Лишь в окошко увижу рассвет,
соберусь и ни с кем не повздорю.

И цветок полевой самый ранний
мне в подарок сорвет скандинав.
Долгожданную радость познав,
отойду от обид и страданий.

И морщинок моих первый след
он разгладит однажды весною
и поделится песней со мною –
мне уже приготовлен корвет.

Андаманы

Любовь последняя, прощай,
мне океан залижет раны.
Там, в самом центре океана
меня ждет остров белых стай.

И мне уже не страшно жить,
быть жертвой веры и неверья,
и у обитой жестью двери
в пустую тьму стучать, звонить.

И мне уже легко терять,
сносить обиды и обманы –
раз есть на свете Андаманы –
земли коралловая прядь.
Где звезды, верные друзья,
мне будут напевать ночами
о света белого начале,
и о любви забуду я.

И пусть тебя всерьез беспокоит
о помощи взывающий ручей...
В единстве с лесом, небом и рекою
единство наше, может быть, —
людей.

* * *

Река и лес —
все в золотом огне
опавших листьев северного склона.
И даже солнце меркнет в вышине
в лучах листвы
рябины, липы, клена.

Но как печальна крона, как пуста,
как ствол осиротевший гол и страшен.
Что ветвь одна — без желтого листа?
Что путь земной — листвою не украшен?

Я соберу рябиновый букет,
им разрисую небо, словно кистью.
Октябрь,

Покров.

И отовсюду свет,
щемящий отовсюду шелест листьев.

* * *

В двух разных мирах,
в двух разных вселенных и верах
с тобою живем.

* * *

Кольцо и крест –
иное не спасёт.
Любовь и Бог –
что людям нужно кроме?

Судьба и вера –
истина проста.
Я знаю.
Но душа моя пуста.
И ни кольца на мне, и не креста.

* * *

Вы у любимых забывали перстни,
платочки с ароматами духов.
Я у любимых оставляла песни
и первое движение стихов.

Наутро вы справлялись о забытом,
вам возвращали всё наверняка.
И я просила голосом разбитым:
– Напомни мне, какой была строка?

Но, затерявшись в памяти родного –
(мы о вчерашнем помним до утра),
не зазвучало трепетное слово –
ему судьба велела быть вчера.

* * *

Я ждала твоего звонка.
И ты позвонил,
но шёл дождь –
и когда ты набирал мой номер,
капли неистово забарабанили по стеклу...

Звонка я не услышала
и снова ждала.

Ты позвонил,
но выглянуло солнце –
и когда ты набирал мой номер,
птицы безудержно заголосили от радости...

Звонка я не услышала
и снова ждала.

Ты больше не звонил,
но теперь, когда идёт дождь
или поют птицы,
мне кажется – это ты набираешь мой номер.

* * *

Легко завоевать эстраду,
дом обрести куда трудней,
и нет ни радости, ни ладу
в душе твоей, в душе моей...

Ваятелю привычней в глине
найти звучащую струну,
чем сделать чуточку счастливей
не многих женщин,
а одну...

В поход отправиться далече,
настичь троянское копье –
сражаться за Елену легче,
трудней, трудней любить ее.

* * *

Забытые финляндские дороги –
идешь, идешь, а впереди тупик.
О, как легко тут заплетались ноги,
и как необходим был проводник.

А проводник мечтал о проводнице
в каком-то городишке под Москвой,
уставший одиночеством гордиться,
бродил он по России сам не свой.

Нелепое разлуки равновесье
нас бросило по разным поездам –
и лютеранин шел по русским весям,
а я по лютеранским городам.

* * *

Мы будем счастливы не вместе –
у нас такие шалуны,
мы ради пятилетних бестий
на нелюбовь обречены.

Нас ночь холодная расставит
на страже маленьких детей,
но братом никогда не станет
твой мальчик

дочери моей.

Ну а теперь? Я пребываю гордой,
с достоинством хвалёным, не одна.
Дом обретён и лучший в мире город
Не светят только больше два окна.

* * *

Откуда в Вас столько злости?
Вы – замужняя женщина,
бросьте...

Человеку,
когда он стареет,
не мешает быть подбробнее.

* * *

Меня, не приглашенную на праздник,
одолевали разные сомненья –
подбросить что ли яблоко раздора
и написать «прекраснейшей» на нём.
Пусть выбирают, ссорятся и спорят,
пусть начинают гибельные войны.
Но яблоки на Севере столь редки,
так дороги и так необходимы,
что я решила с голоду, быть может,
полюбоваться яблоком и съесть.
О, если бы античная богиня
была тогда, как я сейчас голодной,
на свадьбе у Пелея и Фетиды
не появился б знаменитый плод –
войны Троянской повод злополучный.

*

Сначала я нашла тебя,
потом я нашла дорогу.
Но как найти дорогу к тебе?

*

Будет сварен обед,
будут вымыты чашки и ложки,
будет ровно гудеть
у старинной машины мотор,
будет выгулян пёс,
и у дочери будут сапожки,
но не будет любви.
Так о чём тогда наш разговор?

* * *

Когда исчезают земные дела и
создания,
и время не может, не хочет себя
осознать,
я слышу одно лишь дыханье, дыханье,
дыханье
и несколько слов, но из них ничего
не понять.

Что с нами, и где мы?
Над морем, над миром, над мессой.
Все снова едино. И снова ни света,
ни тьмы.
Скрывается время за призрачной
тонкой завесой,
и вот его нету. Одно лишь дыханье
и мы.

* * *

Отшумели вьюги, отшумели,
горстка снега – их последний след.
Я теряю голову в апреле,
заново гляжу на белый свет.

О, каким бывает откровеньем
встреча двух оттаявших сердец,
после зимнего закреощенья
вырвавшихся к солнцу наконец.

* * *

Когда ворвется крошечной
звездой
в твою судьбу живой комочек
света,
когда сердца одним теплом согреты,
как две струны мелодией одной –
научишься и ползать, и летать,
и спину гнуть,
и, обретая гордость,
в себе откроешь царственную
стать
и самую плебейскую покорность.
Пойдешь своей любви наперекор,
слезами –
без молитв начнешь молиться
за каждый дочкин вдох,
за каждый взор
еще не оперившейся Жар-птицы.

* * *

Моя маленькая Лиз,
мой восторг и мой каприз,
моя солнечная ночь,
мое чудо, моя дочь,
мой спасительный удел
оказаться не у дел,
в мире, где черным-черно,
наше светится окно.
Перевернута земля,
а у нас теперь –
семья.

Дочери

В доме, где нет культа матери,

мать — раба.

М. Цветаева

Я признаю такое рабство.
Чтоб вырвать из небытия
тебя,
я отрекусь от царства,
рабовладелица моя.

Иной Распутин бы Григорий
развеял боль твою к утру,
его, отечеству на горе,
приблизил бы ко Двору.

Да.

Я согласна быть рабою
твоих, как струны, тонких ног.
О, если бы и нам с тобою
однажды кто-нибудь помог.

* * *

Еще февраль,
и не смолкает ветер,
и мой отец еще читает вслух
неунывающей Елизавете
смешную сказку о морозах двух.

Она поет и слушает – все сразу –
и снова просит сказку посмешней.
Храни их Бог –
 птенцов голубоглазых,
спасающих нас радостью своей.

Беломорье – Балатон

Поэма

*Памяти моего дяди — Героя Советского Союза
Прокопия Галушина, погибшего в 1945 году*

...Рассвет в Бодайке –
утренняя месса.
Мы с мамой, ночь не спавшие,
 идем,
забрел первым светом окоем,
преображая исподволь предместье.

Над Венгрией еще такая рань,
и высвечены только обелиски,
и каждая отточенная грань –
как позывные фронтовой радистки...

Мелодия
какая-то чужая
касалась ненароком юных лиц...

А в Венгрии сиял высокий март,
и завершалось
злое лихолетье,
росла трава, и первые соцветья
весенний источали аромат.
Но плеск волны похожим был на стон,..
Ты помнишь сорок пятый,
Балатон?

Прогремело: «Фердинанд!»
Ход истории назад?
Пересмотр всех рас и карт?
К февралю вернется март?
А на смену марту ад?
Ненавистный, чей «талант»
создал это – «Фердинанд»?

Стал голос командира глуше –
не разобрать,
все ближе самоходных пушек
чужая рать,
гульба чужого громовержца
и мгла вокруг,
и только собственного сердца
знакомый стук.
Оно стучит, как бы пророча
победный марш,
стучит все громче,
громче,
громче
в последний март.

ПЕРЕВОДЫ

ЭДИТ СЁДЕРГРАН

(1892–1923)

(Перевод со шведского)

Моя душа

Моя душа не может говорить

и не может знать правды.

Моя душа может лишь плакать,

смеяться и заламывать руки,

моя душа не может

вспоминать и защищать,

моя душа не может

рассуждать и открывать истину.

В детстве я видела море:

оно было синим.

В молодости я встретила цветок:

он был красным.

Теперь сидит рядом со мной чужак:

без цвета,

но я боюсь его не больше,

чем девушка боялась дракона.

С появлением рыцаря девушка

то краснела, то бледнела,

но под моими глазами черные круги.

Набросок

От твоей любви меркнут звезды –
В моей жизни брезжит лунный свет.
Твоя рука – не дом для моей.
Твоя рука – это страсть,
моя – любопытство.

Любовь

Я оставила свою душу в сине-голубых одеждах
цвета неба на скалистом берегу моря.
Обнаженная я пришла к тебе в образе женщины.
И, как женщина, села за стол,
пила вино из бокала, дышала запахом роз.
Ты видел, что я была красивой
и напоминала что-то приснившееся тебе.
Я забыла все, забыла детство и родимую землю.
Я была лишь твоей узницей.
Улыбаясь, ты протянул мне зеркало и велел мне
всмотреться в себя.
Я увидела: плечи мои созданы из праха
и превращались в прах.
Я видела, что моя болезненная красота
хочет покинуть меня.
О, сожми меня в объятьях так крепко,
чтобы я чего-то не потеряла.

Эросу

Эрос, свирепейший из богов,
зачем ты приковал меня
к этой грязной земле?
Когда дочери вырастают,
их укрывают от любого света
и прячут под темными сводами.
Разве моя душа не блистала на небе,
прежде чем ее не затянули
твои красные водовороты?
Смотри, я связана по рукам и по ногам.
Чувствуешь – все мои мысли покидают меня.
Эрос, свирепейший из богов,
я не бегу, я не жду,
я только страдаю, как животное.

Прекрасный Бог

Мое сердце – вся красота мира.
Оно святое.

Кто однажды его увидит,
заискрится от его блеска.
Мое сердце легкое, как птица,
на земле не найдете такой хрупкости.

Я принесу его в жертву тебе,
неизвестный Бог.

Бог в поднебесье,
крылья несут меня туда –
прекрасный Бог,
перед которым всё – прах.

Когда я вернусь –
с нимбом вокруг чела –
никто ничего не увидит,
кроме ночи и Бога.

Песня на скале

Солнце опускалось в морскую пену,
и берег спал,
а на скале кто-то стоял и пел.
Когда слова достигали воды,
они умирали.
И песня скрывалась за соснами,
уносимая сумерками прочь.
Когда все становилось безмолвным,
я чувствовала только,
как в скалах в полумгле пульсирует кровь.
И я не до конца понимала,
что песня была из тех,
которые никогда не повторяются.

ИНГРИД ПРОТЦЕ
(Перевод с немецкого)

* * *

Мы – новые бабушки
в новой стране.
Премудрые и прекрасные.
Цветущие и знающие.
С чадами и внучатами.
Мы, сорокалетние,
захлестнуты шалой волной
рынка труда.
Кто из нас выплывет?
И куда?
Мы – в круговороте жизни.
Мы – её сердце.

СТАСИС ЙОНАУСКАС

(перевод с литовского)

Весна чудес

1

Текла неторопливая вода
сквозь кружево речных водоворотов
на неизвестный чей-то огонек.
И вечерами больше не темнело.
Холмы из глины
днем тянулись к солнцу,
а по ночам они светились сами
и нежно освещали край долины,
и путь реки, и старое село.
Над лесом становился чище воздух,
в той стороне, где распускались ивы,
звенела отскочившая кора.
От звезд кружились головы,
селяне
 спать не могли,
и смена лунных плугов
напоминала старые мечты.
А время,
время шло
который год.

2

Весна казалась людям
самой первой –
шумели гулко старые дубы,
восторженно всходили семена...

И каждый понимал, о чем на кленах
перекликались маленькие пташки,
и каждый видел, как возделывал он землю,
как будто на себя глядел с горы.
А мудрые ростки уже все знали –
какой однажды повернет направо,
какой однажды повернет налево,
какой упрямо будет вверх расти.

ЭРЖЕБЕТ ВАРГА

(перевод с венгерского)

Слова

придите
весомые слова
с углами и гранями
я построю стихотворение
оно будет мне домом и крепостью
и даже дворцом с горделивым фронтоном
я приложу слово к слову
угол к углу – чтобы не дала стена трещину
куда проникли бы ветер или смерть
дверь можно выкрасить в алый
и сделать из двоеточий:
пусть мир не застрянет входя
что за стихи закрытые для морщинистых забот
что за дом
что за крепость
что за дворец
довольные лишь своей архитектурой
о скажи мне что за дом
который не хочет иметь жильцов

ТОЙВО ФЛИНК
(перевод с финского)

Песню выведу вперед –
тесно ей в избе
 под крышей.
Пусть взлетит над миром выше
и тропу свою найдет.
Путь заманчивей вдали,
и мелодия за ветром
к берегам спешит заветным
неба,
 сердца
 и земли.
Задыхаюсь, как в огне,
в чувствах мелочных,
 но скоро
нахожу в друзьях опору –
песня вновь живет во мне.
Я в мучениях порой –
есть ли истина в созвучьях? –
Ложь, лукава и ползуча,
рушит песенный настрой.

ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ САРРЫ ТОЛСТОЙ
(1820–1838)

К Луне

Как сладостно
с лазоревых небес
нисходит о, Луна, твой тихий блеск.
И радость возвращается опять
та, что легко успела
ложью стать.

* * *

Куда ты исчезло, сияние северных
звезд,
мне душу целившее светом своим неизменно.
И небо весеннее
не осушает мне слез –
имевшая все,
я осталась одна во Вселенной.

* * *

Любимое отечество, прощай.
Я уезжаю далеко-далёко –
в незнаемую землю, в чуждый край,
судьбе навстречу
по веленью рока.

Прости меня, любимая страна,
где в счастье пролетело мое детство,
разлука нам с тобою суждена,
чужбина мне оставлена в наследство.

Но там, на незнакомом берегу
вослед своей любви я побегу.

* * *

Я не хочу ни славы, ни наград –
всего того,
 чем грешный мир богат.
Хочу лишь душу
 выразить в стихах –
исчезнет боль тогда,
покинет страх.

ПААВО ВОУТИЛАЙНЕН

(1952–2002)

(перевод с финского)

Спасибо бывшим

Экс-отцу

Не поминаю тебя лихом,
ведь я совсем не помню,
чтобы ты хоть в полглаза
присматривал за мной.
Но я не в обиде –
жизнь улыбалась мне.
Другие отеческие глаза
следили за моим ростом,
и другая отеческая рука
направляла меня вперед, в завтра.
Спасибо,
что не нарушал мой покой.
Не поминаю тебя лихом,
ведь я совсем тебя не помню.

Пасхальное приветствие

– Христос воскрес!
Восклицают на Пасху крещеные
и красят яйца.
Яйца едят атеисты
и даже разных мастей
ниспровергатели Бога.
Пасха освещает наш стол
и создает толчею на кладбище.

Стопки с закуской
остаются на могилах
усопшим.
И они по-христиански
делятся снедью
с бомжами.
– Христос воскрес!

* * *

Трудом стихотворенья не создашь,
от болтовни строка не заискрится,
скрипеть пером – бессмысленная блажь,
и не пойдет в компьютере страница.

Но как же он рождается – мой стих?
Как в сердце он крепчает понемногу,
находит верные
из броских слов моих,
отыскивает к людям как
дорогу?